

Пролог

Настоящий кочевник с пути не собьется.

Эвенкийская пословица

День оказался удачным. В восемь утра я понял, что у меня тропическая малярия, и потому был совершенно счастлив.

Я почувствовал себя больным двумя днями раньше, когда спускался с горы Кения. Перед восхождением мне пришлось спрятать рюкзак в кустах у тропинки, и его, разумеется, украли. В Африке оставленные без присмотра вещи быстро исчезают даже на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. Оставшись без спальника, я вынужден был идти всю ночь, чтобы добраться до шоссе. Наутро меня слегка пошатывало, но я решил, что это от переутомления. Однако мне становилось все хуже, поднялась температура, и я забеспокоился: уж больно похоже на воспаление легких, а его лечат ежедневными уколами пенициллина, что было бы довольно сложно организовать в походных условиях.

Потому-то я так обрадовался, почувствовав первый приступ малярии. Он длился всего пару минут, пока я сидел в кафе, пытаясь проглотить немного маниокового пюре. Все-таки удивительно, что миллионы малярийных плазмодиев, этих потомков безвредных морских водорослей, живущих и размножающихся в клетках крови, ухитряются настолько точно синхронизировать свой выход в кровяное русло. Как только приступ кончился, я поймал автобус до Найроби, зашел в больницу, сдал анализ крови, купил пару пачек коартема, принял две таблетки и через три часа был совершенно здоров. Предметное стеклышко с пробой моей

крови я выпросил у врача на память. Оно до сих пор у меня хранится, и фиолетовые паразитики *Plasmodium falciparum* отлично видны в красных кровяных шариках.

Я вписался в самый дешевый отель, какой сумел найти. Путешествовать по Африке – дорогое удовольствие, а я пробыл здесь уже четыре месяца. Отель оказался в таком квартале, что владелец считал необходимым давать мне в сопровождение охранника с автоматом каждый раз, как я собирался в овощной магазин напротив, в подвале которого было интернет-кафе. Потребовалось три таких вылазки под конвоем, чтобы поймать момент, когда интернет более-менее работал. Мне удалось открыть страничку с моей почтой всего за сорок минут.

Первым делом я отправил своей маме кодированное сообщение «ОК Вова». ОК означало «все идет по плану, я жив-здоров и путешествую по чудесным местам». Мы придумали этот код в доинтернетные времена для использования в телеграммах, но он оказался полезным и в Африке двадцать первого века, где интернет то и дело неожиданно пропадал на долгие часы или дни.

Потом я принялся читать почту – и выяснилось, что меня приняли аспирантом в университет во Флориде.

Я так долго ждал этой новости! Она означала, что мне никогда больше не придется работать. Работа – это что-то такое, что вы делаете ради денег. А я надеялся всю оставшуюся жизнь заниматься моей любимой зоологией, которой занимался и прежде, но в основном в качестве волонтера или за символическую плату. Труд зоолога часто тяжелый, грязный и даже опасный, но и удовольствия он может доставлять больше, чем любой другой. Может быть, именно поэтому зоологам платят меньше, чем ученым всех прочих специальностей, и чтобы

получать зарплату, на которую можно прожить, не подрабатывая где-то еще, нужна как минимум докторская степень. Именно ради нее я и поступал в аспирантуру.

Теперь мне необходимо было срочно добраться до Флориды. У меня был билет с открытой датой, купленный когда-то у подозрительной пакистанской авиакомпании через не менее подозрительное турецкое турагентство. Предполагалось лететь в Нью-Йорк через Аддис-Абебу, Триполи и Лондон. Первый перелет был рейсом «Эфиопских авиалиний». Когда я добрался до их офиса в аэропорту, девушка за стойкой сообщила мне, что все рейсы из Найроби в Аддис отменены из-за уличных бунтов в Эфиопии. Ситуация выглядела безвыходной... и тут день в третий раз оказался удачным.

– Акуна матата (все нормально), – сказала девушка. – Мой двоюродный брат служит офицером и охраняет конвой в Могадишу. Может быть, он сможет подвезти вас в Сомали и посадить на рейс в Аддис оттуда.

Я сперва подумал, что она шутит, но она говорила совершенно серьезно. Она вовсе не обязана была мне помогать и тем не менее позвонила своему брату с сумасшедшей просьбой провезти иностранца с армейским конвоем через закрытую границу. Уж не знаю, что она сказала ему на суахили, но на уговоры у нее ушло меньше трех минут.

С тех пор как у меня украли рюкзак, я носил все оставшиеся вещи в карманах, так что передвигаться стало легко. Я добрался автостопом до границы и присоединился к конвою. Он состоял из двух БТРов и нескольких старых грузовиков, забитых товарами первой необходимости для охваченного гражданской войной Сомали: кассетами с рэпом и ящиками кока-колы. Обрато

грузовики должны были везти кат (легкий наркотик, популярный в странах Африканского Рога) для сомалийских беженцев в Кении.

Мне разрешили ехать на броне переднего БТРа – это было единственное место в конвое, не окутанное клубами густой пыли. Каждый раз, как на горизонте появлялись люди, приходилось прятаться внутри. На окраине Могадишу нас встретил танк и проводил к военному городку. Мне очень хотелось взглянуть на город, но командир конвоя сразу же повез меня к самолету.

В Аддис-Абебе я застрял на несколько дней. Аэропорт парализовало из-за наводнения в Индии. В Африке живут миллионы индийцев, и почти все рейсы между их старой и новой родиной летят через Аддис. В то время в Эфиопии еще не было банкоматов, а у меня не осталось налички, но прежде, чем умереть с голоду, я ухитрился просочиться на самолет в Вашингтон, но во время взлета в самолет ударила молния, но повреждений вроде бы не было, но... Африка – не место для людей, которые не любят сюрпризы.

Пересекая километры сухой саванны, замерзая под убойными кондиционерами африканских аэропортов, глядя в иллюминатор на клубящиеся тропические тучи, я чувствовал себя необыкновенно счастливым... и немного грустил.

Я был счастлив, потому что впервые за многие годы мог наконец заняться тем, что люблю и что у меня хорошо получается. Прошло восемь лет с тех пор, как я уехал из безнадежной России в США, но пока мне ни разу не удавалось найти постоянную работу по специальности. В первые годы приходилось жить тупым трудом вроде лесоповала и доставки пиццы. Мне быстро стало понятно, что в мире

рыночной экономики каждый раз, как ты поднимаешься на ступеньку социальной лестницы, работать приходится меньше, а денег платят больше. Самые тяжелые, трудные, неприятные специальности являются также самыми низкооплачиваемыми. Позже я сумел устроиться техником в несколько исследовательских проектов: изучать китов и водоплавающих птиц в Калифорнии, планктон в Саргассовом море, чуму у луговых собачек на Великих равнинах и хантавирус у мышей в Скалистых горах. Но эти временные проекты не были моими, и работать головой там приходилось мало. Теперь у меня наконец-то появится возможность заниматься исследованиями самостоятельно. Платить будут по-прежнему мало, но работа будет настолько интересная, что это уже не важно.

А грустно мне было потому, что со всех этих временных работ можно было в любой момент уволиться и отправиться путешествовать. Путешествовать я люблю больше всего на свете, с тех пор как лет в двенадцать впервые попробовал автостоп. С годами я научился странствовать по миру легко и дешево (не всегда комфортабельно, но мне было все равно) и мог позволить себе сгонять почти в любой уголок планеты после нескольких месяцев работы в магазине или компьютерном стартапе. Это была свобода, о которой почти все прочее население Земли могло только мечтать. А теперь мне придется обзавестись постоянным домом, чего я всегда старался избежать. Чудесные дни неограниченных скитаний подходили к концу.

По крайней мере, так мне казалось.

В России есть забавное полушуточное поверье: как встретишь новый год, так его и проведешь. Первые шесть дней моей новой жизни оказались отличным прогнозом на следующие шесть лет: напряженные, непредсказуемые, полные приключений и открытий с утра до вечера, а главное – прожитые в путешествиях.

Глава 1

Alligator mississippiensis: утренний хор

Изучайте природу, а не книги о ней.

Луи Агассис

США – страна, идеально приспособленная для частых переездов. Приземлившись в Вашингтоне, я добрался на автобусе до Альбукерке в штате Нью-Мексико, где все мои вещи и маленькая «тойота» хранились у друга в гараже, взял напрокат грузовичок с прицепом, загрузил вещи в кузов, а машину – на прицеп, доехал до Флориды, снял квартиру в Маленькой Гаване (населенной кубинскими иммигрантами части Майами), разгрузил и вернул грузовик – и все это за неделю. Майами был во многом похож на Найроби, только еще жарче, с более уродливыми небоскребами, и аллигаторов в окрестных болотах было больше, чем осталось крокодилов во всей Африке.

Прибыл я как раз вовремя: едва успел разложить вещи и наполнить продуктами холодильник, как по южной Флориде с интервалом в несколько дней прошли два урагана. Было бы очень обидно пропустить такое интересное явление природы.

Первый семестр в университете пролетел быстро. Я наслаждался каждой минутой. Зоология была моим увлечением с детства, но только теперь у меня

появилась возможность учиться ей от профессоров, а не самостоятельно. Когда я закончил школу в СССР, евреев как раз наглухо перестали брать в университеты, а больше приличных биологических факультетов нигде не было, и пришлось идти в технический институт на мутную специальность «биомедицинское оборудование» – ничего ближе к биологии я не нашел. Едва я закончил институт, империя начала разваливаться и прожить на зарплату научного сотрудника стало невозможно. Пришлось зарабатывать чем получится: в лучшем случае написанием книг о природе, в худшем – совсем уж неквалифицированным трудом, и все время работать в двух-трех местах, а в свободное время путешествовать и изучать дикую фауну.

Теперь я наконец-то мог быть просто зоологом. Но передо мной стояла другая проблема. На каких животных мне специализироваться? Для меня они все интересны. Пока я изучал их за свой счет, можно было заниматься кем угодно: сегодня бабочками или змеями, завтра китами, улитками или планктоном. Мне совершенно не хотелось стать экспертом по кому-то одному и забыть про всех остальных. Поэтому я решил заняться поведением животных. Эта область зоологии в США и Канаде называется «экология поведения», а в других странах – «этология» (от греческого слова *этос*, привычка). Таким образом я получил возможность изучать любых животных, каких захочу, и к тому же без необходимости заниматься добычей экземпляров для музейных коллекций, вивисекцией и прочими малоприятными вещами, на которые обречены многие зоологи, как бы они ни любили природу. Вместо вивисекции мне предстояло наблюдать за животными, делающими то, что им нравится, и иногда ставить несложные эксперименты, чтобы понять, как и почему они это делают.

Пришло время выбирать тему будущей диссертации. Я уже решил, что она будет о поведении животных, но надо было выбрать конкретную проблему, над которой я буду работать следующие пять-шесть лет, а то и дольше. У меня было много идей, от изучения ориентирования буревестников в океане возле Южного магнитного полюса до тропления волков в Тибете. Но каждый раз, как я предлагал Стиву, моему научному руководителю, очередной проект, оказывалось, что он либо слишком сложный, либо дорогой, либо недостаточно интересный с научной точки зрения. Стив – блестящий ученый, и работать с ним сплошное удовольствие, но он человек на редкость прямолинейный и безжалостно «срезал» одну мою идею за другой. Его стиль преподавания – полная противоположность манере постоянно хвалить учеников, модной в американских школах. Вскоре ему надоели мои предложения, и он сказал:

– Почему бы тебе не заняться поведением аллигаторов? Весной они очень интересно общаются между собой. Гаррик изучал их сигналы, но это было почти сорок лет назад. И путешествовать тебе особо не придется, их вокруг города полно.

Мне такой вариант совершенно не понравился. Разумеется, меня, как любого зоолога, аллигаторы и прочие крокодиловые очень интересовали. Все-таки они последние из гигантских рептилий, царивших на Земле в мезозойскую эру, «живые ископаемые», ближайшие родственники динозавров... (На самом деле все перечисленное неверно, но это уже детали.) Но изучать их поведение? Каждый раз, как вы останавливаетесь перед их бассейном в зоопарке, вы слышите, как рядом какой-нибудь ребенок спрашивает маму: «Они живые или пластмассовые?» Все, что они делают, – дремлют под лампой или на солнышке, ожидая, когда на них

свалится еда. Что ж это будет за работа: торчать месяцами в знойном болоте, кормить один рой комаров за другим и ждать, когда кто-то из аллигаторов соизволит шевельнуть лапой или моргнуть?

Само собой, я знал, что иногда крокодиловые (т. е. крокодилы, аллигаторы, кайманы и их менее известные родственники) все-таки двигаются и что они иногда делают интересные вещи: заботятся о потомстве, охотятся на крупных зверей, ревут и даже издают инфразвук (звук, слишком низкий для человеческого уха). Но сам я, сколько ни путешествовал по местам их обитания, никогда ничего подобного не видел. В лучшем случае они тихо соскальзывали с берега в воду и исчезали при моем приближении либо часами безуспешно пытались подкрасться к какой-нибудь цапле.

Я нашел в библиотеке университета статьи Лесли Гаррика – зоолога, который открыл, что аллигаторы могут общаться с помощью инфразвука. В статьях рассказывалось, что в брачный сезон аллигаторы вытворяют много такого, о чем я никогда раньше не слышал: хором ревут по утрам, хлопают головами и подолгу плавают друг за дружкой.

Был апрель – то самое время года, когда начинается брачный сезон у аллигаторов Флориды и побережья Мексиканского залива. Недолго думая, я поехал в Эверглейдс – огромное травяное болото с островками леса, начинавшееся сразу за городом. Там я нашел придорожное озерцо, полное аллигаторов, поставил машину у самой воды и стал ждать.

Аллигаторов было тринадцать, каждый длиннее меня. Они спали на берегу или медленно скользили по неподвижной поверхности воды, которая в этих болотах обычно окрашена в цвет крепкого чая из-за обилия гниющей растительности. Они

были черные, грузные и скучные. За весь день на озере не произошло абсолютно ничего. После заката тоже ничего не изменилось, разве что теперь я мог видеть красные угольки аллигаторовых глаз, отражавших свет фонарика, и обнаружил, что аллигаторов в озере как минимум вдвое больше, чем я насчитал днем.

Ночь была полна жизни. Голоса сверчков, древесных лягушек, жаб, птиц-козодоев и сов сливались в оглушающий хор, в котором участвовали, кажется, все обитатели болот... кроме аллигаторов. Воздух был горячим и влажным. Не таким невыносимо горячим и влажным, как летом, в сезон дождей, но все же достаточно, чтобы спать в машине в одежде и/или с закрытыми окнами было невозможно. Я разделся, обмазал себя репеллентом, открыл окна и умудрился поспать несколько часов, прежде чем репеллент испарился и тучи комаров радостно устремились в машину. Проснувшись, я потратил полчаса на нанесение нового слоя репеллента и расчесывание укусов, после чего выбрался из машины на берег. И очень вовремя, потому что как раз тут-то все и началось.

Озеро было едва видно в розовом тумане. Лес вокруг казался неестественно тихим после сверчково-лягушачьей ночи. В перламутровом небе золотые следы самолетов пересекались с нежными перистыми облаками. Солнце вот-вот должно было взойти. Все аллигаторы были в воде, они неподвижно лежали на поверхности, словно черные гнилые бревна. Вдруг самый большой из них, зверюга длиной почти с мою «тойоту», высоко поднял массивную голову и тяжелый, похожий на рулевое весло хвост. В такой странной позе он (самые крупные аллигаторы обычно самцы) провел с минуту, пока остальные аллигаторы один за другим тоже поднимали головы и хвосты, так что над озером появились двадцать-тридцать причудливых изогнутых силуэтов, словно паривших в тумане.

Тогда огромный самец задрожал. Его спина вибрировала так неистово, что покрывавшая ее вода словно вскипела, и на ее поверхности появился странный сетчатый рисунок из маленьких волн, а брызги взлетели на полметра в воздух. Я стоял на берегу в полусотне шагов от аллигатора, но чувствовал волны инфразвука каждой косточкой. Спустя секунду самец качнулся немного назад и заревел – словно внезапно прогремел раскатистый гром, одновременно пугающий и восхитительно мощный. Было трудно поверить, что этот рев, похожий на грохот тяжелого танка, взбирающегося на крутой откос, – голос живого существа. Самец медленно качался вперед-назад, издавая инфразвук каждый раз, когда над водой поднимался его хвост, и рев, когда выше всего поднималась голова. По всему озеру другие аллигаторы присоединялись к нему; их голоса были чуть выше и не такие мощные, но все равно производили впечатление. Облака пара вырывались из их ноздрей (а я всю жизнь считал их холоднокровными!). Могучие болотные кипарисы, росшие на берегу, тряслись, как тростинки, осыпая воду дождем листьев и мелких веток. Я стоял и слушал, зачарованный, а между тем аллигаторы в других озерах тоже начали реветь, словно похваляясь силой и выносливостью. Целый час волны рева и инфразвука прокатывались из края в край стокилометрового болота, и дальше, по лесам и озерам Флориды.

Потом все стихло. Аллигаторы снова неподвижно лежали на черной глади озера. Я наблюдал за ними еще пару часов, но ни один из них даже не шевельнулся. Вокруг вообще ничего не двигалось, кроме медленно поднимавшегося солнца и стаек белых цапель, летевших высоко в небе с ночевок в заболоченных лесах к рыбным озерам.

По пути домой я обдумывал увиденное. Судя по окаменелостям, крокодилы и аллигаторы происходят от общего предка, но разделились примерно семьдесят миллионов лет назад, еще во времена динозавров. И те и другие способны издавать рев и инфразвук, а значит, эта способность появилась у них до разделения, то есть еще раньше. Хор, который я только что наблюдал, был очень древним спектаклем. Он был также одним из самых поразительных чудес природы, какие я когда-либо видел, и одним из наименее известных. Первое описание хора аллигаторов, не являющееся полной чушью, было сделано совсем недавно, в 1935 году. Его автор, Эдвард Макиллени, был натуралистом-любителем, но его книга об аллигаторах оказалась намного точнее и достовернее, чем более ранние труды профессиональных зоологов. В 1960-х Лесли Гаррик предположил, что хор аллигаторов выполняет те же функции, что пение птиц: привлечение партнеров и обозначение занятой территории. Но это была всего лишь гипотеза; Гаррик с коллегами написали три коротких статьи по теме и больше к ней не возвращались. Позже еще два зоолога пытались изучать аллигаторовые хоры, но, как и Гаррик, они работали в зоопарках, а не в природе. Передо мной было практически нетронутое поле для исследований. Я подумал что, наверное, я – самый везучий зоолог в истории.

Так что следующую ночь я снова провел в болотах Эверглейдс. И еще ночь. И в одну из этих знойных, душных ночей я увидел то, чего до меня не видел вообще ни один исследователь.

Аллигаторы не только исполняли свою мезозойскую версию птичьих песен. Они еще и танцевали.